

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
А64

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-1673-0 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3762-4 (Россия)

- © Григорий Панченко, 2016
- © DepositPhotos.com / ozaiachinn, amiloslava, обложка, 2016
- © Shutterstock.com / AVN Photo Lab, Roberto Castillo, adike, обложка, 2016
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2017

ДАНИЭЛЬ ДЕФО

Представлять Даниэля Дефо современным читателям излишне. Однако, хотя многим известно, что он написал не только «Приключения Робинзона Крузо», все же требуется пояснить, каким образом творчество этого автора связано с детективом.

Детектив как таковой в XVIII в. еще не родился, но литература уже нащупывала пути к нему. Одним из «преддетективных» жанров были истории о разбойниках. Иногда они представляли собой так называемые «тайбернские романы»¹, то есть повествования обо всем жизненном пути сколько-нибудь знаменитых разбойников: начало преступной деятельности, наиболее колоритные эпизоды, обстоятельства ареста, подробности судебного процесса и путь на виселицу в Тайберне. Хотя иногда сюжет мог завершиться иначе: разбойник, порвав со своей прежней деятельностью, получив помилование (или «отработав» вину, например, участием в военных действиях — конечно, на *правильной* стороне), удачно женится, богатеет и остаток жизни проводит «с точки зрения закона безупречно».

Одна из разновидностей этих историй — рассказы о хайвэйменах. Слово «хайвэй» существовало со времен средневековья, означало же оно... безусловно, не скоростной автобан, а общедоступную дорогу, по которой имел право

---

¹ Тайберн — вначале деревушка, позже особый участок городского округа Лондона, где традиционно на протяжении многих веков происходили казни. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

передвигаться каждый, не спрашивая разрешения у владельцев земли и не платя пеню даже в тех случаях, когда трасса проходила через территории, находящиеся в частной собственности. Отсюда другое их название — «королевские дороги». Так что хайвэймены, промышлявшие грабежом на таких дорогах, в каком-то смысле не просто разбойники, а люди, покушающиеся на устои государственной власти... Впрочем, как ни странно, политический подтекст чаще всего проявлялся в действиях тех разбойников, которые выступали за короля: например, некоторые так называемые джентльмены большой дороги, грабившие путников во время Английской революции, после возвращения королевской власти получали не просто помилование, но даже шанс на карьеру. Правда, потом их обычно тянуло к прежним занятиям — и дело все равно заканчивалось Тайберном...

Считать ли эти разбойничьи сюжеты художественными произведениями или отчасти беллетризированными хрониками? Единого ответа на вопрос нет. Однако очевидно, что в ряде случаев авторы работали не столько с реальными фактами, сколько с устоявшимися легендами, многие из которых потом вошли в каноны детектива.

По крайней мере, это точно касается Даниэля Дефо. О разбойниках он писал немало, а в его совершенно неизвестной нашим читателям книге «Беспересадочная поездка по Великобритании» хайвэйменам посвящен лишь один из эпизодов (повествующий только о скачке «Быстрого Никса»), да еще примечания, присутствующие не во всех изданиях. Но именно в примечаниях и описано то, как создается искусственное алиби, которое впоследствии будет широко использоваться в откровенно детективной литературе. Причем Дефо, конечно, понимал: в данном случае он не излагает хронику, а экспериментирует с литературой.

Дело не только в том, что расстояние, преодоленное разбойником за день, безбожно преувеличено. В конце концов, если речь шла о колоссальной по тем временам сумме 650 гиней, можно было спланировать преступление очень тщательно и загодя позаботиться об алиби, известив троих-четверых «сочувствующих», находящихся вдоль намеченного пути (у уважающего себя хайвэймена такая «группа поддержки» обычно имелась), чтобы они держали наготове сменных лошадей. Тогда действительно появлялся шанс успеть к запланированной на восемь вечера игре. А что на ней будет лорд-мэр, сомнений не вызывало: в годы Английской революции пуритане добились запрета подобных состязаний, вернувшийся к власти «веселый король» Карл II торжественно снял его, так что для городских властей присутствие на игре в кегли — показатель лояльности. Но автор «Робинзона» никак не мог допустить такого количества анахронизмов, из-за которых события должны происходить «не позднее 1681-го, но не ранее 1684-го, да еще с эпизодическими заходами в конец 1660-х». Хотя бы потому, что в молодости он примкнул к восстанию Монмута, которое тот поднял в первый же день своего возвращения из Голландии (для того и прибыл!), так что Дефо было отлично известно: никакие разбойники мятежного герцога не грабили.

Любопытно, что у нас восстание Монмута вообще-то обычно связывается не столько с историей, сколько с литературой. Это отправная точка приключений капитана Блада, самого знаменитого из героев Сабатини, и Михея Кларка, все-таки не самого известного персонажа Конан Дойла. Причем в одном из эпизодов романа «Михей Кларк» появляется разбойник-хайвэймен на необычайно быстрой кобыле: имя он называет другое — но ведь и участник скачки из Кента в Йорк (реальна она или нет) имел много имен...

(Этот эпизод с бешеной скачкой, обеспечивающей ложное алиби, лег в основу нескольких «разбойничьих детективов» через десятилетия и даже через век после Дефо. Их авторы обычно приписывали его Дику Тёрпину, самому знаменитому из хайвэйменов, промышляющему уже в 1730-х. Однако «Беспересадочная поездка по Великобритании» доказывает: история считалась старой уже в 1720-х!)

Еще один примечательный момент. Обычай хайвэйменов представляться своим жертвам все-таки нельзя назвать непреложным (да и необязательно разбойник называл свое подлинное имя), но как бы то ни было эти «джентльмены удачи» не стремятся обеспечить молчание ограбленных самым надежным способом. В случае отчаянного сопротивления *объекта* такое, конечно, бывало, но даже тогда являлось скорее исключением, нежели правилом. Так что, хотя название «рыцарей большой дороги» английским разбойникам подходит более чем условно, «работниками ножа и топора» они тоже не были (по крайней мере, предпочитали не быть). И дело тут, разумеется, не в их собственной цивилизованности, а в неписаном, но при этом четко воспринимаемом всеми современниками правиле. Пока хайвэймен лишь грабит — его будут ловить только те, кому это положено по должности. Окрестное же население в таком случае ограничится когда дружественным, когда враждебным, но именно нейтралитетом. А вот если он из грабителя превратится в убийцу — его начнет травить вся округа, как бешеного волка...

Возможно, это полуофициальное проявление джентльменского кодекса, негласно соблюдаемого всеми сторонами, и привело к тому, что классическим детективом стал именно *английский* детектив. Хотя и произошло это через несколько поколений после Даниэля Дефо.

Галопом из Кента в Йорк

...Если ваш путь лежит от Грейвзенда, то на нем вы не встретите ничего достойного внимания, по крайней мере, вплоть до Гэдс-хилл с его крутыми склонами, покрытыми лесом. Этот последний пункт тоже пользуется популярностью не у всех, а главным образом у разбойников: нет места удобнее, чтобы грабить моряков, прогуливающих тут жалование, выплаченное им в Четэме. Впрочем, самое знаменитое из гэдсхилльских ограблений имело место довольно давно, примерно в 1676 году. Время суток (около четырех часов утра) и точное место (участок дороги у подножья первого холма на запад от Гэдс-хилл) известны достовернее, чем дата. Так же как имя грабителя: некто Никс — во всяком случае, считается, что он, восседая на резвой кобыле, так и представился ограбленному им джентльмену.

Совершив ограбление, мистер Никс вначале вернулся в Грейвзенд, где у него уже была договоренность с паромщиком, рассчитывая переправиться через Темзу немедленно, однако с этим по каким-то причинам возникли затруднения. Лишенный возможности пересечь реку, грабитель тщетно прождал на берегу целый час, что стало, как он рассказывал потом, «величайшим разочарованием в его жизни». Однако эта помеха оказалась великолепным вызовом резвости его лошади — и когда переправа все-таки состоялась, мистер Никс погнал свою кобылу быстрым аллюром, не останавливаясь в Тилбери и безостановочно проскакав через Биллерикуей вплоть до Челмсфорда, где он все-таки дал лошади примерно получасовой отдых, сам наспех перекусив несколькими лепешками. Далее он таким же образом проследовал через Брейнтри, Бокинг, Уэтерсфилд; затем

спустился в Кембридж и, выбрав нужный перекресток, поспешил мимо Фенни Стантона к Годманчестеру, а потом и к Хантингтону — там он уже позволил себе и лошади отдохнуть около часа, проспав где-то половину из этого времени. После чего, следуя по северной дороге и бóльшую часть пути держа жеребца на галопе, прибыл в Йорк*¹. Добравшись туда задолго до наступления темноты, он переменял кавалерийские сапоги и одежду, выдававшую его путешествие верхом, на обычный костюм йоркского горожанина-домоседа — и принял участие в народных гуляниях, проходивших как раз тем вечером. Среди прочих мероприятий там имела место игра в кегли, на которой, кроме множества известных и уважаемых джентльменов, присутствовал сам лорд-мэр. Мистер Никс, присоединившись к рядам играющих и увидев его светлость, понял: теперь ему для полной безопасности остается только осуществить нечто, дабы и лорд-мэр его запомнил. Приняв непосредственное участие, он сумел сделать несколько бросков, признанных не столь выдающимися, сколь до чрезвычайности необычными. Их результаты обсуждали многие горожане, в том числе и его светлость, что позволило мистеру Никсу обратиться непосредственно к лорд-мэру и задать вопрос, который сейчас час. Его светлость, достав карманные часы, назвал время: было без четверти восемь либо, наоборот, восемь с четвертью. Так или иначе, обстоятельства этого разговора остались в памяти мэра, и теперь он мог показать на суде, что видел мистера Никса не только в определенный день соответствующего месяца, но даже в определенный час этого дня.

Когда впоследствии разбойник подвергся судебному обвинению, свою защиту он построил именно на этом пункте:

---

¹ Здесь и далее комментарии к словам и фразам, выделенным *, см. в конце книги, в разделе «Примечания». (Примеч. ред.)

истец совершенно точно назвал место и время преступления — Гэдс-хилл, что в графстве Кент, такой-то участок дороги у подножья холма, такое-то число, такое-то время суток. Кроме того, он категорически настаивал на тождестве ответчика, мистера Никса, с тем человеком, который и совершил ограбление. Мистер Никс, взятый под стражу, вызвал для подтверждения своей невиновности несколько почтенных граждан, включая лорд-мэра Йорка, единогласно подтвердивших, что в те дни он был в их графстве, а именно в указанный истцом день играл в кегли на городских состязаниях. Эти свидетельства, особенно с учетом показаний мэра, оказались настолько убедительными, что присяжные единогласно вынесли оправдательный вердикт, ибо сочли само собой разумеющейся невозможность для человека в течение одного дня находиться в двух местах, до такой степени удаленных друг от друга. Судья Твисден, разбивший это дело, не был полностью удовлетворен подобным вердиктом, но так или иначе обвиняемый оказался вне опасности.

Есть также более развернутые описания этой истории, которые я не берусь подтвердить или опровергнуть. Например, утверждается, будто Никсу покровительствовал сам король Карл II. Даровав разбойнику прощение, он все же присовокупил: в дальнейшем желал бы не иметь от него подобных неприятностей. И будто бы мистер Никс в частном порядке описал Его Величеству все детали как самого ограбления, так и последовавшей за этим беспримерной скачки; после чего король пожаловал ему, наподобие титула, дополнение к фамилии, так что отныне сей джентльмен звался уже не просто Никс, а Быстрый Никс. Впоследствии он будто бы поступил на службу в полк лорда Мондкастла в Ирландии, получил звание капитана, женился, приняв

за супругой огромное приданое — и с тех пор жил с точки зрения закона безупречно.

Впрочем, судя по некоторым описаниям, эта беспримерная скачка была начата не в Кенте, а в Барнете¹, причем человека, совершившего ее, называют то Ник без буквы «с» в конце, то Свифтникс* в одно слово, при этом его христианское имя — Сэмюэль. Другие же и вовсе утверждают, что эта честь, если ее можно назвать так, должна быть приписана известному йоркширскому *хайвэймену* по фамилии Невисон. Существует вероятность того, что Никс и Невисон — одно и то же лицо. Наконец, весьма распространена версия, связывающая историю данного ограбления с именем Ричарда Дадли, он же капитан Дадли, будто бы напарника Никса, тоже пользовавшегося покровительством короля.

Этот Дадли, казненный в 1681 году, безусловно, реальная личность. По происхождению он был джентльменом из очень хорошей, но обедневшей семьи, чьи владения находились в Нортгемптоншире. Этих владений его отец, сохранивший лояльность династии Стюартов, лишился во время злощастного восстания республиканской партии, в ходе которого произошло множество преступлений, а наитягчайшим из них является вероломное лишение жизни короля Карла I. В результате Ричард Дадли уже не имел никакого имущества, кроме дома, в котором проживал. Но Карл II, вернув себе корону, в награду за службу его отцу даровал молодому Дадли капитанский чин в пехотном полку, где тот зарекомендовал себя поистине ревностным служакой. Когда во время одного из сражений за Танжер* кто-то из его людей осмелился, вопреки приказу, слегка нарушить строй, капи-

---

¹ Северный пригород Лондона.

тан Дадли отдал своему сержанту распоряжение сбить этого человека с ног. Сержант приказ выполнил, но, как сообщают, «по своему разумению»; что бы ни крылось за этими словами, капитан вновь подозвал к себе сержанта, взял из его рук алебарду и сказал: «Когда я приказываю сбить кого-либо с ног, это следует делать вот ТАК!» После чего обрушил на него удар даже не древком, а лезвием алебарды, раскрыв тому череп надвое. Как опять же сообщают, от этого удара сержант незамедлительно скончался.

Когда Танжер был разрушен и все наши силы выведены оттуда*, Дик Дадли вернулся в Англию. Однако, уже успев привыкнуть к крайне экстравагантному образу жизни, он никак не мог понять, отчего грабеж на проезжих дорогах в своей стране должен считаться менее законным делом, чем рейды за военной добычей на вражеской территории. В результате этого прискорбного непонимания бывший капитан вскоре сделался сущим разбойником, чрезвычайно смелым и удачливым. Тем не менее при попытке ограбить герцога Монмута в Харроу-он-зе-хилл* удача ему изменила, и Дадли попал в печально известную лондонскую тюрьму Поулти Комптер, она же «Курятник», она же «Корабль», который не отправляется в плавание, а на его верхней палубе существование можно считать сносным, однако беда «цыплятам», оказавшимся запертыми в клетушках под палубой, и совсем уж горе тем, кто содержится еще ниже, в балластном трюме.

Корабль сей заслуживает особого описания, ибо судебная казуистика — его такелаж, смертные приговоры — якоря, ордер на арест заменяет ванты, канцелярские отчеты идут на паруса, срок заключения длинней грот-мачты, закон — его штурвал, а судья — штурман, адвокат — судовой казначей, стряпчий — боцман. Судебные клерки драят палубы этого корабля, долговые расписки качают его на волнах,